

ЕКАТЕРИНА МАЛОФЕЕВА

В ЧУДЕСНЫХ МЕЛОЧАХ

* * *

...И все гладила, гладила, как зверька, я зелёную чашку для молока.
Лето дразнит запахом шашлыка из столовой за поворотом.
Не жалеть, бросая, ненужный хлам, эвересты старого барахла,
отдарюсь, не глядя, другим отдам; сюда скоро заедет кто-то,
будет спать, обедать, и обживать, заправлять небрежно мою кровать,
и любить, и верить, и горевать, и курить с моего балкона,
и дружить с соседкой по этажу.

Мне без куртки холодно, я дрожу, я жалею, помню и дорожу,
скотчем клею края картона.
Я была привязана — рвётся нить, что опять срastётся — не тронь, ни-ни,
знаешь, Боже, всё же меня храни от внезапного переезда,
я такое снова переживать не хочу ни разу, едва-едва
в этот раз справляюсь, пока трезва, но по-детски внутри — нечестно!

Ты на съёмной — пасынок, не родной, только так хотелось к себе домой,
заливает чёрной глухой тоской, но отпустит. И невесомо
нарастёт тенётами память вновь и побеги пустит, и даст вино

МАЛОФЕЕВА Екатерина Сергеевна родилась в городе Чита, поэт, технический и художественный переводчик. Публиковалась в изданиях "Байкал", "45 параллель", "Сибирские огни", "День и ночь", "Огни Кузбасса" и др. Лауреат Национальной молодёжной литературной премии Роскультцентра-2020, международного конкурса "45-й калибр", участница лонг-листа Волошинского конкурса и премии "Лицей". Готовится к выходу сборник стихотворений "Отделение патологии" в издательстве "Эксмо". Живёт в Улан-Удэ.

из незрелых ягод,
глядясь в окно
нечужого чужого дома.

* * *

Разбирали кладовку,
плакали.
Успокоились, посмеялись.

Книги в стопках, халатик с маками,
кто на фото — здесь ты ли, я ли?
Бытовая археология —
слой за слоем, судьба за судьбами,
мчались месяцы легконогие,
в жизнь слагались. Мы вместе будем ли?
Погремушками и заколками
память полнится.
Кружки с тиграми,
на пелёнках — цыплята жёлтые,
их мой папа для внука выкроил.
между прошлым и нами — спаями,
не пожитки уже — свидетели.
Рядом с вещным — неосяземо
что-то хрупкое, беспредметное...

* * *

Мы стены шкурили наждачкой, и пыль ложилась серебром.
За край схватилась неудачно, поранив руку о ведро.
Пускай саднит, так легче, легче. И я жива — пока болит.
Здесь банка краски, стол калечный — всё остальное увезли.
А ты запомни нас такими — как насмерть ссорились тогда,
мы влюблены, мы молодые, и я игрушечно седа.

* * *

Нарнийским львом по тропке шёл покой,
он пел весне, и набухали почки,
и масляные свежие листочки
нежнели, распускаясь под рукой;
и приживалась новая сирень,
и оживала старая берёза,
прибитая декабрьским морозом,
и отпускала колкая мигрень.
Издалека тревожилась свекровь
за слабую и тонкую рассаду,
смеялись дети где-то за оградой,
дымком тянуло от чужих костров,
и небо — близко, сосны — высоки.
Как в первый раз переживая чудо
рождения живого — ниоткуда,
я махонькие трогала ростки.
Мы, девочки, взрослее и мудрей
на островке возделанного рая
становимся, с годами превращаясь
неумолимо в наших матерей.

* * *

Дом прячется в чудесных мелочах:
он в сладком чае из любимой кружки,
в посыпке на верхушке кулича
и в клеточках истрепанной ночнушки;
он — в запахе корицы и хвои
и в приглушённом звяканье посуды.
Проснулся, слышишь и тепло — свои.

Я здесь. Я жив.
Я был
и вечно буду.

* * *

Пугливо фыркает, пока не ест с ладони
мой новый дом, присматриваясь к нам.
Я приручу, приму и узаконю,
и перестану видом из окна
пугаться, узнавая с непривычки
в чужом своё не сразу.
Не спеша
придёт по нескрипучим половичкам
уменье предрассветный ставить шаг.
Была одной я из бездомных странниц.
Оглаживаю деревянных стен
занозливый поматовевший глянец
и становлюсь хозяйкой.
Насовсем.